

Сдерживающие активность детей обращения используют тогда, когда дети выполняют задание неправильно, и мама останавливает ребенка и обучает его, как делать правильно. Тормозятся также те действия ребенка, которые он выполняет самостоятельно, а не делает то, что скажет мама. Матери, рассказывая что-либо детям, не фиксируют внимание детей на своих обращениях к ним. Так, во время рассказа матери ребенок может смотреть в сторону, не смотрит на нее или вообще занимается своим делом. Пример из протокола: мать изготавливает аппликацию, делает радугу, ее ребенок забирает игрушку у другого ребенка и играет с ней. После нескольких указаний мать убирает игрушки, и тогда ребенок приходит кленть. Пример противоположного свойства: мать дает ребенку с легкими нарушениями задание и не смотрит, как он его выполняет, начинает читать книгу или общается с другими мамами. Пример из протокола: мать читает книгу. Ребенок ловит пробки на крючок: "Мама, так?" Мать поворачивается, говорит: "Да", отворачивается и продолжает читать книгу.

Зафиксировано несколько больше совместных действий матерей с детьми 2-й группы по сравнению с 1-й группой. Матери побуждали детей с тяжелыми нарушениями выполнять действия самостоятельно, а дети с легкими нарушениями просили маму выполнить эти действия за них.

Выводы.

1. Во взаимодействии с детьми, имеющими двигательные нарушения, матери используют различные средства общения. Преобладают вербальные обращения, деятельность детей организуется преимущественно с помощью вопросов и указаний, недостаточно используется совместная деятельность. В большей части случаев матери и дети реагируют на обращения друг друга.
  2. Отсутствуют существенные отличия во взаимодействии матерей с детьми двух групп - с легкими и тяжелыми двигательными нарушениями. Это обозначает, что двигательные возможности детей и уровень их развития не учитываются матерями при взаимодействии с детьми.
  3. Матери детей с легкими двигательными нарушениями склонны направлять их активность, а матери детей с тяжелыми двигательными нарушениями - стимулировать ее.
  4. Матери склонны заменять действия детей собственными действиями, потому что дети с легкими нарушениями не хотят выполнять эти действия сами, а дети с тяжелыми нарушениями - не могут их выполнять. В конечном итоге параметры взаимодействия матери и ребенка задаются скорее ребенком, чем матерью.
- Практическая значимость полученных результатов состоит в следующем:
- Разработанная методика анализа взаимодействия матери и ребенка может использоваться как диагностическое средство в работе психолога и дефектолога в учреждениях, за-

нимающихся реабилитацией, обучением и воспитанием детей с особенностями психофизического развития, с целью разработки мер адресной помощи родителям.

- Полученные данные позволяют поставить задачи работы с матерью по оптимизации ее взаимодействия с ребенком: знакомство матерей с нормами развития ребенка; обучение матери умению фиксировать реакцию ребенка на ее воздействие и строить дальнейшее взаимодействие с учетом этой реакции; учить матерей фиксировать проявления собственной активности ребенка, поощрять его инициативные действия; создавать во взаимодействии зону ближайшего развития ребенка. Решение этих задач позволит матери организовывать развивающее взаимодействие с детьми с двигательными нарушениями, что обеспечит выполнение коррекционных функций и профилактику вторичных нарушений психического развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. - М.: Педагогика, 1989. - 560 с.
2. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. - СПб: Изд-во С.-Пет. Ун-та, 2001. - 288 с.
3. Мухамедрахимов Р.Ж. Взаимодействие и привязанность матерей и младенцев групп риска // Вопросы психологии. - 1998. - № 2. - С. 18-32.
4. Papousek H., Papousek M. Early integrative development in comparative views: have human - specific process been captured // The Development of Sensory, Motor and Cognitive Capabilities in early infancy. From sensation to cognition. Italy, Maratea, 1994. - P. 28.
5. Papousek M. The impact of the difficult child on family dynamics // XVth Biennial ISSBD Meetings. Abstracts. - Bern, Switzerland, July 1-4, 1998. - P.25.
6. Папушек Х., Папушек М., Солоед К. Значение невербального общения в младенческом возрасте для психического развития // Психологический журнал. - 2000. - Том 21. - № 3. - С. 65-72.
7. Школьникова Н. Н. Развивающее взаимодействие с детьми раннего возраста // Дефектология. - 1991. - № 4.
8. Школьникова Н.Н. Система развития коммуникативного поведения у детей раннего и дошкольного возраста с осложненными формами интеллектуальной недостаточности. Автореферат дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.03 - специальная педагогика. - М., 1993. - 15 с.
9. Железнякова З.Р. Педагогические условия организации развивающего взаимодействия с детьми раннего возраста. Дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.07 - теория и методика дошкольного образования. - Мн, 2000. - 103 с.

УДК 15:152.26

Лагонда Г.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФЕНОМЕНА «СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА»

По настоящее время психологическое содержание супружеской измены исследовано крайне слабо. Такая ситуация парадоксальна, поскольку существует достаточно много работ, направленных на изучение причин этого явления. Достаточно активно ведётся и поиск способов преодоления последствий измены. При этом все без исключения исследователи априорно отталкиваются от понимания супружеской измены как сексуальных отношений вне брака.

Нам представляется, что такой подход - это констатация психологического факта, а не анализ психического явления.

Факт внебрачных сексуальных отношений - это лишь фасад, за которым скрываются самые противоречивые переживания супругов, сплетённые в хитроумный узел. Именно эти переживания составляют психологическое содержание супружеской измены, именно они должны быть предметом психологического анализа.

Внебрачные сексуальные отношения не годятся в качестве содержательной характеристики супружеской измены ещё по нескольким причинам. По мнению сексологов [1], гендерные отношения многообразны. Классификация нормальных форм

Лагонда Глеб Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

половой жизни включает ряд проявлений. Одним из них, к примеру, является танец. Конечно, для индивида с эпилептоидной акцентуацией характера простой танец супруги с другим мужчиной на дружеской вечеринке может быть расценен как супружеская измена. Однако для большинства присутствующих на вечере критерием измены будет являться всё же половая близость. Тем не менее, приведенный пример заставляет задуматься. Разные люди понимают под внебрачными сексуальными отношениями разные поведенческие реакции. Следовательно, априорно выбранный сущностный признак анализируемого феномена перестал быть однозначным, а «по совместительству» и сущностным.

Не вдаваясь в физиологические подробности, следует добавить, что и осуществление любовного соития допускает вариации. При этом для любого человека можно выделить ситуации, когда он будет в затруднении отдифференцировать предательство от явного намерения, явное намерение от скрытого, а скрытое намерение от его отсутствия [2]. Пограничные состояния всегда несколько условны. Ситуация усложняется ещё и тем, что супругов двое, и их представления о границах дозволенного могут существенно отличаться.

До сих пор в своих рассуждениях мы отталкивались от идеи о том, что существует одна-единственная форма брака – брак традиционный (диадичный, гетеросексуальный, юридически оформленный). Однако реальность значительно сложнее. В настоящее время существует целый ряд альтернативных форм брачных отношений [3].

1. Одиночество.
2. Диадный брак:
  - А) незарегистрированное сожительство;
  - Б) сознательно бездетный брак;
  - В) гомосексуальный брак.
3. Полигамный брак:
  - А) устойчивые внебрачные сексуальные отношения;
  - Б) полигения (многожёнство);
  - В) полиандрия (многомужество);
  - Г) свингерство (обмен супругами);
  - Д) групповой брак.

Несколько позже мы остановимся на основаниях, позволяющих выделить одиночество в отдельную форму брачных отношений. В контексте же обсуждаемой проблемы важным представляется нечто иное. Для супругов, состоящих в альтернативных формах брака (одиночество, незарегистрированное сожительство, и, конечно же, полигамный брак) понятие внебрачные сексуальные отношения приобретает весьма расплывчатый характер.

В дополнение к вышесказанному наш клинический опыт позволяет привести удивительные, на первый взгляд, примеры традиционного диадного брака, в котором супруги не воспринимают внебрачные сексуальные связи как супружескую измену. Речь идёт о тех (пусть и немногих) ситуациях, когда оба партнёра (по классификации К.-Дж.Сейгер [4]) относятся к категории независимых. Своё право на внебрачные сексуальные связи они оговаривают чуть ли не в самом начале знакомства. Таковыми супругами, по-видимому, были Сальвадор Дали и его жена (и муза) Галя. Они игнорировали многочисленные внебрачные увлечения друг друга как абсолютно незначительные.

Возвращаясь к проблеме внебрачной сексуальной близости, следует отметить, что «потерпевшая» в результате адюльтера супруга сторона испытывает целый ряд негативных эмоциональных состояний: обиду, отчаяние, чувство ущемлённого достоинства, дисфорию, ненависть. Вспышки аффективных реакций могут сменяться подавленным настроением и апатией. Этот комплекс переживаний правомерно назвать «комплексом переживаемого предательства». В рамках супружеских отношений он может возникать не только в результате адюльтера партнёра. Советский кинематограф периодически возвращался к примерам, когда измена Делу Партии мужем переживалась женой как личное предательство. Возможно, пример киносценария, выполненного в духе социалистического реализма не совсем корректен. Однако

клинические наблюдения позволяют привести аналогичные примеры. Нам несколько раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда муж, озабоченный карьерным ростом, узнав о беременности супруги, предъявлял ей ультиматум: «Или я, или ребёнок». Конфликтная ситуация разрешалась по-разному. Тем не менее, во всех случаях женщина испытывала описанный выше «комплекс переживаемого предательства».

Таким образом, факт внебрачной сексуальной близости не всегда воспринимается партнёрами как супружеская измена. В свою очередь, переживания предательства могут возникнуть у супругов не только в результате адюльтера. В то же время смысловые поля этих понятий имеют много общего, что заставляет большинство людей (да и психологов тоже) ставить знак равенства между ними. Выявленное противоречие можно объяснить, если исходить не из житейских представлений о супружеской измене, а из психологического анализа основ брачных отношений.

К сожалению, в исследованиях психологических основ брачных отношений по сей день остаётся много «белых пятен». Психологи зачастую «грешат» использованием непсихологического понятийного аппарата. К примеру, довольно широко для описания брака и семьи используются термины «официально зарегистрированный союз», «ячейка общества» [5], «социальный институт» [6]. Порой имеет место смешение понятий «межличностные отношения» и «социальные отношения» [7]. Всё это затрудняет психологический анализ механизмов, обуславливающих динамику отношений между супругами.

«Слабым местом» многих психологических исследований представляется склонность авторов избегать дифференциации понятий «брак» и «семья». Зачастую эти понятия и вовсе объединяются в одно – «семейно-брачные отношения». Безусловно, в некоторых случаях такое упрощение уместно. Тем не менее, брак и семья – это реальности, которые имеют как общие точки соприкосновения, так и существенные отличия.

Основа брака – это диадные супружеские межличностные отношения, которые претерпевают серьёзные качественные изменения при включении в семейный контекст. Семья же является более сложной системой. Наряду с брачными (супружескими) отношениями она включает отношения родительно-детские и родственные. В рамках семьи правомерно выделять ещё один вид отношений: между членами семьи и остальным социальным окружением. Этот тип диспозиций редко анализируется в психологической литературе. Однако именно он подразумевается в тех случаях, когда семья рассматривается как социальный институт. О том, насколько важно психологическое исследование родственно-неродственных отношений свидетельствует классический литературный пример мафиозной семьи Каппоне.

В отличие от брака семья является полноценной малой социальной группой со своей структурой, групповыми нормами, ценностями, санкциями и другими стандартными проявлениями групповой психологии. В то же время семья обладает и своими специфическими особенностями, отличающими её от остальных малых социальных групп [8]: нормативной заданностью, гетерогенностью состава, закрытостью, длительностью истории; полуфункциональностью, тотальной вовлечённостью.

В рамках обсуждаемой темы нас в большей степени интересуют брачные отношения, поскольку именно они становятся «ареной», на которой разыгрывается драма супружеской измены. Психологический анализ этого феномена возможен исключительно на основании понимания психологической основы брака. В соответствии с этим мы предлагаем следующее определение.

Брак – это тип межличностных отношений, которые:

- 1) ориентированы на удовлетворение конкретной группы потребностей;
- 2) реализуются с одним (преимущественно) человеком;
- 3) осуществляются (преимущественно) с человеком противоположного пола;
- 4) имеют место (преимущественно) между взрослыми людьми;

- 5) направлены (преимущественно) на долгосрочную перспективу;
- 6) носят (преимущественно) добровольный характер;
- 7) оформлены (в большинстве случаев) юридически.

Слово «преимущественно», повторяясь раз за разом, может вызвать улыбку. Тем не менее распространение альтернативных форм брак диктует необходимость его использования. Предложенное определение, на наш взгляд, во-первых, позволяет дифференцировать понятия «брак» и «семья», а во-вторых, открывает возможность для психологического анализа супружества и его коллизий. Добровольность сопряжена со свободой выбора, долгосрочность – с удовлетворённостью браком, взрость – с проблемой психологического возраста. Гендерный аспект отношений и его избирательность также являются категориями психологического анализа. Даже формальная сторона брака сопряжена с представляющей для психологии значительный интерес проблемой принятия или непринятия человеком ответственности за свои поступки.

Главное же достоинство представленного определения состоит в том, что в качестве психологической основы брака рассматриваются потребности. Как известно, они являются основой любых форм отношений (Д.Майерс [9]) объединяет их общим понятием «потребность в присоединении». Брачные отношения не являются исключением. Разные авторы выделяют разные (как по количеству, так и по содержанию) потребности, которые могут быть реализованы в браке. Какую бы позицию мы не предпочли, мы вынуждены согласиться, что брак попросту бы не существовал, если бы не оправдывал определённые нужды и чаяния людей.

Нам представляется возможным (не претендуя на безапелляционность) обобщить разные точки зрения и выделить следующие потребности:

- 1) потребность в продолжении рода;
- 2) потребность в любви;
- 3) потребность в сексуальном удовлетворении;
- 4) потребность в самоактуализации;
- 5) потребность в материальном благополучии.

Эти интенции могут быть реализованы в разных форматах отношений и с разными людьми (что, кстати, позволяет выделять одиночество как разновидность брака). Однако более прагматичным представляется удовлетворение их с одним человеком. Тем более, что общество во все времена «благославляло» именно такой вариант отношений, культивируя тем самым традиционный брак.

Таким образом, перечисленные потребности правомерно определить как брачные. Данная группа представляет собой иерархическую структуру, причём эта иерархия индивидуально варьирует. Более того, отдельные потребности у разных людей могут не только отличаться по своей значимости и выраженности, но и вовсе отсутствовать. К примеру, у супругов, выбравших сознательно бездетный брак, отсутствует потребность в продолжении рода. Возможна и противоположная ситуация. Список потребностей, удовлетворение которых ожидается в браке, отдельными людьми может расширяться. Видимо, это одна из причин, по которой данные, приводимые разными авторами по этой проблеме, варьируют.

Ещё одной психологической характеристикой брачных потребностей является степень их осознанности: часть из них ясно осознаётся, а часть – нет.

Представление о иерархическом соподчинении брачных потребностей важно для понимания психологической сущности супружеской измены. Фрустрация любых ожиданий приводит к появлению негативных эмоций и тягостных переживаний. Выраженность этих переживаний пропорциональна значимости неудовлетворённого желания. Когда дело касается нужд наиболее высокого «ранга», у человека возникает комплекс переживаемого предательства (как своеобразный апогей отрицательных эмоций). В этом, по нашему мнению, состоит психологическое содержание супружеской измены.

Супружеская измена – это фрустрация одним супругом наиболее значимой брачной потребности другого, провоцирующая у последнего комплекс переживаемого предательства.

Если основной брачной потребностью женщины является желание иметь детей, то ультиматум мужа: «Или я, или ребёнок», – будет переживаться ею как супружеская измена. Тем не менее большинство людей предательством партнёра считают внебрачную сексуальную связь. Для того чтобы ответить на вопрос «Почему?», необходимо выяснить, реализацию какой из брачных потребностей фрустрирует адюльтер.

В представленном выше списке таковой нет. Сексуальная связь одного из супругов «на стороне» вовсе не исключает материального благополучия, сексуального удовлетворения и самоактуализации партнёров, состоящих в браке. Они по-прежнему могут иметь детей. Зачастую партнёр, поддерживающий внебрачную связь, искренне убеждён, что продолжает любить супруга, окружая того заботой, нежностью и лаской. Показателен тот факт, что второй супруг не подвергает эту любовь сомнению до тех пор, пока не узнаёт об адюльтере. Значит, фрустрирует не сам факт, а знание о нём. Так о какой потребности всё-таки идёт речь?

По нашему мнению, речь идёт о желании человека получить подтверждение собственной уникальности. По всей видимости, именно оно для большинства людей является наиболее значимой брачной потребностью. Именно брак с его избирательным характером является тем форматом отношений, где легче всего реализовать эту интенцию. Недаром супруги друг о друге говорят: «мой избранник», «моя избранница».

Внебрачная сексуальная связь (как правило) воспринимается оскорблённым партнёром как наличие ещё одного «избранника» и потому наносит удар переживанию его собственной уникальности. Речевой оборот «как правило» здесь вполне уместен, поскольку потребность в подтверждении собственной неповторимости не всегда доминирует в браке. Полигамные браки самим фактом своего существования доказывают этот тезис.

Кроме того, существуют и другие способы подкрепления переживания человеком своей уникальности. Здесь логично снова обратиться к примеру Сальвадора Дали. Будучи всемирно признанным гением, он не имел оснований сомневаться в экстраординарности собственной личности. Возможно, поэтому он совершенно спокойно относился к внебрачным связям жены. Кстати, как мы уже отметили, имела место и обратная ситуация. Сам С.Дали время от времени встречался с другими женщинами, однако это вовсе не перечёркивало его любви к супруге. Здесь достаточно упомянуть о том, что после смерти жены Сальвадор Дали задёрнул шторы своего особняка и перестал творить.

Характеризуя потребность в подтверждении собственной уникальности как одну из ведущих в брачных отношениях, следует отметить её важное свойство. Наши исследования указывают на то, что для большинства людей эта интенция носит неосознаваемый характер. Возможно, поэтому исследователи психологии брачных и семейных отношений не склонны включать её в свои классификации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сексопатология: Справочник / Под ред. Г.С.Васильченко. – М.: Медицина, 1990. – 575 с.
2. Баттон Дж. Статья ближе: секс, любовь и здравый смысл. – М.: Центр «ПРО», 1995. – 213 с.
3. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: Курс лекций. – М.: «ЭКМО-Пресс», 2000. – 501 с.
4. Sager C.J. Marriage contracts and couple therapy. – New York: Brunner-Mazel, - 1976. – 371 p.
5. Эйдмиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. – Л.: Медицина, 1990. – 189 с.
6. Соловьёв Н.Я. Брак и семья сегодня. – Вильнюс: Минтис, 1977. – 226 с.
7. Харчев А.Г. Брак и семья. – М.: Политиздат, 1979. – 118 с.
8. Гозман Л.Я., Алёшина Ю.Е. Социально-психологические исследования семьи // Психологический журнал. – 1991. – N 4. – С. 24-28.
9. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997. – 684 с.